

ОНТОГНОСЕОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ АБСТРАКТНОЙ ЦЕЛОСТНОСТИ ТЕОРИИ В РАЗВИТИИ НАУЧНОГО ПОЗНАНИЯ

Огнев Александр Николаевич

канд. филос. наук, доцент Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королёва – Самарский университет, РФ, Самара

Ontognosiological aspect of the abstract integrity of the theory in the development of scientific cognition

Alexander Ognev

Candidate of Philosophy, assistant professor Samara National Research University named after academician S.P. Korolev - Samara University, Russia, Samara

Аннотация. В статье рассматривается вопрос об абстрактной целостности в развитии научного познания. Показаны различия между позитивистским и метафизическим пониманием науки. Охарактеризованы основные этапы актуализации онтогносеологического понимания абстрактной целостности науки. Рассмотрена онтогносеологическая концепция М.А. Лифшица. Намечены пути её дальнейшего развития в семиотическом ключе.

Abstract. The article deals with the issue of abstract integrity in the development of scientific cognition. Differences between positivist and metaphysical understanding of science are shown. Main stages of actualizing the ontognosiological understanding of the abstract integrity of science are characterized. Ontognosiological concept of M.A. Lifshitz is considered. Ways of its further development are planned in a semiotic way.

Ключевые слова: наука; онтогносеология; бытие; мышление; абстракция; идея; реальность.

Keywords: science; ontognoseology; being; thinking; abstraction; idea; reality.

Развитие инновационно-ориентированной науки как теоретической системы, обладающей принципами формального единства, позволяет поставить вопрос о критериях её абстрактной целостности, посредством которых она легитимирует объективность своего предметного содержания в рефлексии. Актуальность этого проблемного ракурса обусловлена не только функционально-прагматическими соображениями, доступными для понимания учёных, исходящих из потребностей развития науки как частнопредметного знания, но и общей логикой научного познания в её сущностной связи с понятием предельного мировоззренческого обобщения, являющегося достоянием философского мышления. Противопоставление двух названных позиций на методологическом уровне оказывается признаком штатной ситуации в научном познании. Было бы неправомерным упрощением трактовать вопрос об абстрактной целостности теории в научном познании в мировоззренческом ключе, сводя её к перечню нормативов формализации, кодифицирующих

теоретическое построение на уровне предвосхищающих диспозиций идеации, но такое прочтение проблемы регулярно воспроизводится именно с позиций частнонаучного знания, что свидетельствует о наличии инерционной тенденции, ограничивающей научную мысль снятыми формализмами её собственного генезиса, что снижает новационный проблемный потенциал теории.

Если бы роль философии исчерпывалась тематизацией предпосылок абстрактной целостности научной теории в познании, то и сама философия могла бы существовать только в беспроблемном режиме догматической метафизики, занятой исключительно обоснованием мировоззренческого смысла прагматических санкций, что в принципе исключало бы саму идею развития, а следовательно – и проблему научной новизны. Абсолютизация абстрактной целостности научной теории, совершаемая из соображений трансцендентальной подтасовки понятий объективно ограничивает познание воспроизведением системных связей в предмете, сводя его внутреннюю логику к манифестации превращённой формы сверхценной метафизической идеи по правилам рассудка. Абсолютизируя ставшее, рассудочное мышление лишает реальность проблемного содержания, принуждая научную теорию экспонировать целостность идеи как завершённую и замкнутую реальность, что в перспективе приведёт к парадоксам автореферентности и к подмене рационального доказательства софизмами, рассчитанными на преднамеренную инсценизацию метафизических фикций в предметном материале научного познания. Этот ход мысли нашёл своё выражение в тезисе Дешана: «Универсальное целое есть нечто реальное, существующее» [4, с. 111]. В абстрактно-метафизическом мышлении истина упреждает собственную предметную реальность, освящая её именем идеи, бытие которой ограничивается формализмами аналитической истинности логически-непротиворечивого применения правил рассудка. Критикуя метафизический навык мышления, Г.В.Ф. Гегель указывал на созерцательный характер упомянутой абстрактной целостности: «Созерцание есть непосредственное представление, в коем определения чувства превращены в отделённый от субъекта предмет, который независим от единичного субъекта и вместе с тем зависим от него» [3, с. 183]. Это противоречие призвана разрешить диалектика посредством своего метода, но развенчание созерцательного характера абстрактной целостности само по себе не тождественно реальному развитию содержания научного познания.

В эпоху позитивизма наука приобретает идеологические аквизиты, ориентированные на обоснование утопии бескризисного развития, составляющего историческое содержание Века Прогресса. Материализм придал позитивистскому культу факта мировоззренческие санкции, выходящее за пределы методологического узуса самого понятия «позитивности». В марксизме факт отчуждения из исторической превратности переводится в принцип негативного мышления, диалектика которого ставится над непосредственными требованиями научного метода, вытекающего из аутентичного предметного содержания. Неокантианская реакция на этот теоретический эксцесс оказалась не только вынужденной, но и запоздалой: фатальная аберрация научного познания, вследствие которой оно оказалось призванным к практическому изменению мира (познаваемость которого была поставлена в зависимость от постулатов материализма), приобрела статус дидактико-академической предпосылки, вводящей дизъюнктивное деление наук на «естественные» и «исторические». Абстрактная целостность, получившая такое обоснование, требовала придания реальности только таким содержаниям, которые были на высоте запросов критической идентичности, что предполагало представление о том, что предметной реальностью может обладать только то, что включает в себе потенциал развития, актуализирующийся в форме кризиса, индексом которого становится тот или иной методологический проблематизм, легализованный в рамках претендующей на абстрактную целостность научной теории. Эмпириокритицизм поставил перед собой задачу по элиминации из науки метафизических фикций абстрактной целостности как материалистического, так и спиритуалистического характера. Эмпириосимволист П.С. Юшкевич писал: «В противоположность всем этим видам «кажущегося», «мнимого» то, что мы называем реальностью, или внешним миром, является чем-то независимым от нас и при известных обстоятельствах принудительно навязывающихся всякому сознанию» [10, с. 120]. Такое представление об инвариантности детерминизма в научном познании оказалось созвучным интересам науки, ставящей перед собой инновационные задачи, однако оно нуждалось в обосновании, которое не могло быть получено на путях, признаваемых самой наукой гносеологически-легитимными. Этот парадокс сохранился в базовой модели инновационной науки на уровне замалчиваемых не проявленных

предпосылок, дающих о себе знать лишь в симптоматике кризисных явлений в современной науке.

Велико искушение рассматривать кризис рациональности в научном познании в качестве следствия его неполноты по фактуально-позитивным критериям. Частонаучная методологическая рефлексия считает именно этот путь предпочтительным, поскольку он позволяет элиминировать фундаментальные онтологические и гносеологические проблемы, за которыми закрепляется метафизическая репутация. По сути же такого рода установка оказывается легендой теоретической прокрастинации, имеющей психодифензивную функцию для сознания учёного, но не дающей никаких теоретических результатов. Уход от проблемы соотношения бытия и мышления оборачивается своеобразным мировоззренческим эскапизмом и представляет собой попытку игнорировать реальное положение науки как фактора, формирующего исторический контекст предметного опосредствования. Для философии такой взгляд оказывается неприемлемым, поскольку в нём выхолащивается содержательный аспект тотальности, подменяемый явочным порядком операционалистским функционалом, общезначимость которого обосновывается с конвенционалистских позиций. Именно в этом смысле значима актуалистская критика сциентизма, которую развивал Дж. Джентиле, противопоставляя абстрактный логос как мысль мыслимую конкретному логосу мыслящей мысли: «не может больше сохраняться и не имеет больше смысла обычное разделение теории и практики, посредством которого обыкновенно отличают один класс от другого класса актов мысли» [5, с. 291]. В той мере, в какой инновационная наука актуализирует своё понятийное единство, она содержательно соотносит свой предмет с тотальностью посредством определённого единства бытия и мышления, идеируемого на концептуальном уровне с признаками абстрактной целостности методологического формата. Это обстоятельство находит своё подтверждение на нормативном уровне в «логике отношений», обоснованной Ш. Серрюсом: «Противоречия постепенно обнаруживаются в ходе развития теорий и посредством их применения. Необходимо длительное развитие анализов, чтобы доказать законность синтезов» [9, с. 115]. Из сказанного становится очевидным, что актуальность научного познания требует нормы отношения между бытием и мышлением, которая не выводится непосредственно из эмпирического функционала научной теории, а принадлежит к области реализованных пределов идеации прагматического применения частонаучных методологических установок.

Ощетеоретический контур онтогносеологического аспекта проблемы абстрактной целостности в научном познании впервые начал вырисовываться в апоретике Н. Гартмана при противопоставлении «ступенчатости» логических нормативистских спецификаций и «слоистости» уровней реальной детерминации по инвариантным критериям сложности предметной когерентности организации тематического базиса. Именно в этой связи было обнаружено радикальное несовпадение между мыслимостью и идеируемостью в бытии. Н. Гартман признал: «Ни одна вещь в мире после этого уже не есть нечто единым образом связанное в себе: её экзистенция есть нечто в себе существующее, её же оформленность – дело одного только представления» [2, с. 242]. Следовательно, сам принцип оппозиционного дуализма, лежащий в основе всех дуалистических дихотомий, является симптомом более глубоких проблемных уровней, чем на том настаивала догматическая метафизика с её мировоззренческими интроектами, а равным образом – и более диверсифицированным по показаниям детерминизма, чем допускала позитивистская наука с её нормативистской интерпретацией проективных задач с эквивалентом фактуальной разрешимости. Утопическим прочтением этого вывода критической онтологии стала «философия Надежды» Э. Блоха, в которой наука в своей абстрактной целостности предстала предвосхищением радикальной новизны утопии. Согласно этой доктрине, наука призвана создавать условия для реализации утопий, что является революционной догматизацией исходного теоретического импульса, исходившего от критической онтологии. Э. Блох категорически настаивал: «Только подобным образом протекает процесс её организации через жизнь, сознание, историю обсуждения, произведения смыслового Пред-Явления, но не в материи, вытесненной из своих возможностей, а материи, открытой вперёд» [1, с. 226]. Эта претенциозная формулировка проблемы абстрактной целостности должна была быть преодолена как наукой, так и философией посредством строгой онтогносеологической постановки вопроса вне утопических мировоззренческих коннотаций.

Исключительная заслуга в этом отношении принадлежит выдающемуся советскому философу,

литературоведу, эстетику и литературному критику М.А. Лифшицу. Он выявил онтогносеологический аспект проблемы абстрактной целостности научного познания, проведя свою мысль между Сциллой догматического официоза и Харибдой неомарксистского ревизионизма. «Полемический марксизм» М.А. Лифшица сложился в борьбе с рецидивами шулятиковщины и вульгарным социологизмом культурфилософских фальсификаторов классики. Онтогносеология была задумана им как учение об условном единстве бытия и мышления в идеируемом акте их реального опосредствования, выявляющего в понятии «истинной середины» инвариант «нормы бытия», обладающий детерминативным значением для любых теоретико-познавательных инициатив. Это стало возможным благодаря тому, что советский мыслитель признавал, что «есть в нашем уме и потребность в признании материальной, внелогической предпосылки всего нашего мышления, и потребность в признании, привычке к новому, допущении постоянной возможности нового» [7, с. 87]. Представление о классике как о «норме бытия» отражается у М.А. Лифшица на учение об универсальности реального, которое радикально противостоит метафизической догматизации реальности в качестве проявления некоего потустороннего абстрактно-всеобщего начала. С развитием науки совместимо представление о том, что реальность порождает тот или иной модус собственной идеации, который формирует тематически универсальную методологию, продуцирующую классические нормативы абстрактной целостности, в которых актуализируется отражение содержания, адекватное мере историчности реального опосредствования. Исходя из концепции М.А. Лифшица, Э.В. Ильенков сделал вывод: «В истинной идее, в отличие от простой абстрактной универсалии, должна заключаться необходимость, следуя которой можно объяснить все наглядно данные свойства вещи» [6, с. 391]. Абстрактная целостность, таким образом, представляет собой результат сведения аквизитов реальности к аподиктической достоверности метода, посредством которого происходит конкретизация нормы взаимопроникновения бытия и мышления в опосредствованиях как в акте существования понятийного содержания истинной середины. Этот взгляд последовательно противостоит формализму, феноменологизму и всем проявлениям постмодернистского фидеизма, которые несовместимы с интересами развития научного познания.

Онтогносеологическая концепция позволяет дифференцировать в процессе познания совершенства вещей, факторы необратимости процессов и признаки открытых для идеации состояний по критериям абстрактной целостности, не вырождаясь в догматическую метафизику. Терминальными нормативами этой теории выступают: 1) полнота, 2) середина и 3) предел в качестве аквизитов универсальности реального. Этот момент приобретает особую актуальность в условиях семиотического поворота в вопросах методологии научного познания, коль скоро онтогносеологическая тематизация актуальных научных проблем предстаёт в качестве предпосылки для сигнификативного дуализма языкового знака с аспектами означающего и означаемого. Следовательно, абстрактная целостность научного познания с задействованными в нём моделями может быть отражена на всех уровнях рационального присвоения предметности, включая момент технической рациональности с его специфическим семиозисом. В ключе семиотического поворота эта мысль приобретает особую актуальность у А.Ю. Нестерова: «Проективный семиозис на примере техники показывает, что понимание как способность «делать», как материальное осуществление смысла знака определяется и задаётся не только традиционными для рецензивного семиозиса навыками разграничения коммуникации и познания, но и навыками контроля материи, навыком воплощения» [8, с. 95]. Обращение технического семиозиса, специфицирующего онтогносеологический аспект абстрактной целостности научного познания по классическому канону материального единства мира, создаёт реальное условие для развития инновационной науки на уровне методологического решения, адекватного интеллектуальным запросам современной цивилизации, призванной своими институтами выражать то, что М.А. Лифшиц называл «разумностью мира».

Список литературы:

1. Блох Э. Тюбингенское введение в философию – Екатеринбург; издательство Уральского университета, 1997. – 400 с.

2. Гартман Н. К основоположению онтологии – СПб: Наука, 2003. – 640 с.
3. Гегель Г.В.Ф. Работы разных лет в 2-х томах – М.: Мысль, 1971. – Том 1, 630 с.
4. Дешан Л.М. Истина, или Истинная система – М.: Мысль, 1973. – 532 с.
5. Джентиле Дж. Введение в философию – СПб: Алетейя, 2000. – 470 с.
6. Ильенков Э.В. Диалектика абстрактного и конкретного в научно-теоретическом мышлении – М.: РОССПЭН, 1997. – 464 с.
7. Лифшиц М.А. Что такое классика? Онтогносеология. Смысл мира. «Истинная середина» - М.: Искусство XXI век, 2004. – 512 с.
8. Нестеров А.Ю. Семиотические основания техники и технического сознания - Самара: Издательство Самарской гуманитарной академии, 2017. – 155 с.
9. Серрюс Ш. Опыт исследования значения логики – М.: Едиториал УРСС, 2002. – 224 с.
10. Юшкевич П.С. Материализм и критический реализм: О философских направлениях в марксизме - М.: КомКнига, 2007. – 200 с.